

**Крестовский Всеволод
Владимирович**

**Очерки кавалерийской
жизни**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-311.3
ББК 84-4

Крестовский Всеволод Владимирович

Очерки кавалерийской жизни / Крестовский Всеволод Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2011. – 230 с.

ISBN 978-5-4241-2232-3

Всеволод Владимирович Крестовский - замечательный русский писатель, автор известного романа "Петербургские трущобы".

ISBN 978-5-4241-2232-3

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Всеволод Владимирович
КРЕСТОВСКИЙ
ОЧЕРКИ КАВАЛЕРИЙСКОЙ
ЖИЗНИ

I. От штаба до зимних квартир

1. Сборы и проводы

Ваше благородие, вахмистр пришел.

– Зови его сюда.

Входит эскадронный вахмистр – солидная, солдатски представительная фигура – и останавливается у двери.

– Здравствуй, Андрей Васильевич! Что скажешь?

– Здравия желаю, ваше благородие! Так как теперича, ваше благородие, завтра выступать, так майор просят вас, чтобы вы изволили эскадрон отвести, по той, собственно, причине, как они сами изволят еще в городе оставаться – потому не здоровы-с, – так просили, чтоб вы уж за них.

– Хорошо. Передай майору, что будет исполнено.

– Слушаю-с. Больше ничего приказать не изволите?

– Больше ничего... Разве вот что: Степан, поднеси вахмистру стаканчик водки!

– Покорнейше благодарим, ваше благородие!

Водка подана и охотно принята с вежливо-церемонной деликатностью.

– За ваше здравие-с! – И стаканчик разом опрокидывается в широкую вахмистерскую глотку.

– Счастливо оставаться, ваше благородие!

– Прощай, Андрей Васильич!

Солидная фигура степенно скрывается и осторожно притворяет за собою дверь.

Итак, завтра на зимние квартиры. Выступать в восемь часов утра, стало быть – надо проснуться в шесть, а теперь первый час Дня: времени, для того чтобы изготавиться, очень достаточно, тем более что офицерские сборы не велики: походная складная кровать с кожаной подушкой, чемодан с бельем и платьем, ковер как неизменное и даже необходимое украшение офицерского бродячего быта да еще походный погребец; ну, да пожалуй, ружье да собака – вот и все хозяйство! Но в этом хозяйстве, знаете ли вы, что достопримечательней всего? Это именно погребец, характерные образцы которого, кажись, только и можно встретить в быту армейского офицера, потому что кому же он надобен, кроме человека, обреченного на вечно бродячую жизнь? Таким образом, из «русской» лавки любого ярмарочного балагана этот неизменный, традиционный погребец переходит непосредственно в офицерские руки. Представьте вы себе маленький сундучок, менее аршина в длину, около трех четвертей в ширину, обитый оленьей шкурой, окованный жестью, с непременно звонким внутренним замком, – а между тем в этом скромном вместилище чего-чего только не заключается! Тут и кругленький походный самоварчик на четыре стакана, миниатюрные экземпляры которых помещаются рядом, тут и медная кастрюлька, крышка которой, в случае надобности, может заменить собою и сковороду, для чего при ней имеется и железная ручка. Тут и мисочка для похлебки, и четыре тарелки: две мелкие и две глубокие; тут и чайник, и чайница, и сахарница, и солонка, и перечница, и чернильница с песочницей, и два больших штофа со шегольскими

пробками – «аплике», и все это накрывается подносом, прилаженным к крышке, в которую вправлено еще и небольшое зеркальце. Но все это богатство составляет только верхний этаж офицерского погребеца: приподнимите за ушки вкладное вместилище всей этой роскоши – под ним окажется этаж нижний, где имеются отлично прилаженные помещения для пары ножей и вилок, двух столовых и четырех чайных ложек, для салфетки и полотенца, для карандаша с пером и ножом перочинным, для гребешка и бритвы и даже... для сапожных щеток. Так вот что за штука этот походный погребец – незаменимый и неизменный друг и товарищ армейской жизни! Как разложишь все его богатства, так просто изумляешься: где и каким образом может вместиться столько разнообразных вещей в таком маленьком сундучке, с таким тесным объемом, а между тем все это вмещается, все это так искусно, так ловко пригнано и прилажено, что просто не хочется верить, будто погребец не есть изобретение какого-нибудь аккуратного немца, а чисто наше «русское».

Итак, почти все наше хозяйство заключается в этом мудреном погребеце, а для остальных вещей – небольшой чемодан или выюк – и готово! Сборы в поход никоим образом не займут более получаса времени. Но все-таки надо кой о чем подумать: во-первых, нанять пароконную подводку под вещи, потому что поход хотя и не велик, но все-таки продолжается трое суток; во-вторых, надо заказывать в трактире жареную курицу, да жареного поросенка с фаршем, да штук тридцать пирожков с капустой на придачу, потому что без этих необходимых запасов рискуешь на пространстве всех трех переходов не найти ровнехонько ничего из удобосъедомого.

Но курица с поросенком – это пустяки: заказать их недолго, а главное дело, чтобы подводку повыгоднее нанять. Отправляемся на почтовую станцию, где встречает нас приказчик содержателя конной почты. Приказчик «из наших», со всеми характерными отличиями физиономии, запаха и костюма. Объявляем ему нашу надобность.

– Сшkolки коней ви гаворитю? – вежливо и любезно прищуривает он глаз.

– Пару.

– Па-ару?... Ну, й зачэм вам пару! Берить тройка! Увше гхаросши гаспида заусшигда на тройка ехають и з калаколчик. Ми вам будзим одпусшкаць сшями лучши курьерсшки тройка!

– Мне нужно не под себя, а под вещи мои.

– Под виешу?... Ну, то мозже какой гхаросший виешу, гхурсштал, чи то фаянцы?... А под гхаросши виешу нада гхаросши кони.

На этот аргумент ему категорически объявляется, что если спрашивают пару, то, стало быть, только и нужна пара, а не тройка.

– Н-ну, як пара, то хай и пара!.. Можно й пару! Зачэм ниет?..

А докуда васше благородю ехат будете?

– В Свислочь.

– До Сшвисшлочь?... до сшями Сшвисшлочь!.. А зачэм так далока? зачэм до Сшвисшлочь?

– Затем, что там эскадрон стоять будет.

– Сшквaдpo-он?... Вуляньски сшквaдpoн?

– Ну, конечно, уланский.

– А!.. гхэта доволна гхарасшьо!.. Там ест мадам Янкелёва, сшвой ляфка

дэржит з рижской вина и з увшеким припасом; ей будзиць гхаросший гхандел... Но толки жквините: ви гаворитю, сшто сшквацион исцо не сштаиць, а толки будзиць сштаиць?

– Да, будет.

– Ну, як исцо толки будзиць, то лепш бэриць кони до Сшкидел, бо у Сшкидел вже стаиць.

– Куда ж, любезный друг, в Скидель?! Скидель вон где, а Свислочь эва куда! Совсем в другую сторону!

– Жквините, але жк и на Сшкидел тожже вуляны сштаиць, и тожже цалы сшквацион.

– Да, только там четвертый, а наш – первый.

– Н-ну, и сшто таково, сшто читворты, сшто пэрви, кахгда жк то ни увшеё равно?! Увшеё равно такой же гхаросши сшквацион и такой же вулянский!.. Але жк до Сшкидел толки двадцятьвосшюм вэрстов, а до Сшвислочь восшим-дешют, а може й цалы сшто, а може й болш як за сшто, бо вэрсту там не миренной... И сшто вам за агхота ехачь так очин далока?!

– Ну, уж это не твое дело рассуждать! Я тебя спрашиваю, сколько возьмешь за пароконную бричку в Свислочь?

– Ой-вай! Сшто жк из вас увзяць?.. Ми не задорого – ми по сшвестю: двадцатьпять щилковых.

– Что такое? Двадцать пять целковых?! Да ты ошалел?!

– Ниет, то може исцо мой папэньку сшалел, а ми вьже здаровий!.. Менш – дали-Бугх! – не можна!.. А ни яким сшпасобем не можна!

Начинается торг продолжительный и упорный. Еврей спускает понемножку и все убеждает брать коней до Скиделя – «бо каб до Сшкидел, то можна й за дванадцать, а то и за дзесенць рубли», но после переговоров, длящихся по крайней мере полчаса, в течение которых жид пробует поддеть вас и так и эдак: то лэстя самолюбю, то даже устыжая: «Фэ! Такой гхаросший, такой бегатый, але жк такой сшкупий гашпидин!» – дело наконец слаживается на двенадцати рублях с кормом коней и довольствием ямщика от нанимателя.

Итак, поросенок заказан, кони поряжены, вещи уложены – стало быть, все уже готово! Слава тебе, Господи! Можно, значит, съездить к кой-кому из хороших знакомых и проститься.

У солдата сборы гораздо короче, а если и замедляются они несколько, то разве тем, что иной из них отпросится у вахмистра в город на базар, купит себе что-нибудь необходимое в его личном хозяйстве: какие-нибудь шерстяные вязаные перчатки или носки, каких-нибудь ниток, иголок, воску да костяшек, если он портной, какой-нибудь дратвы да вару, если сапожник, да разве еще какой-нибудь ярко-пестрый ситцевый платок в подарок старой знакомке – будущей своей «зимовой хозяйшке», которая была уже его хозяйшкой и в прошлую, и в позапрошлую зиму. А уходя с осеннего постоя, он все свое незатейливое имущество упакует около седла, под попонку, на что времени потребуется ему не более десяти-пятнадцати минут, и потому солдатская укладка начинается уже в самое утро выступления, перед седловкой. С кумом каким-нибудь он простился еще с вечера, причем кум угостил его крючком водки, а добрая кума – буде есть такая – еще накануне выстирала ему сорочку, заштопала порты и приготовила кусок свиного копченого сала как прощальный гостинец на дорогу, чтобы солдат не

забывал ее до следующей осенней стоянки.

Некоторые затруднения случаются только для старшего вахмистра, и происходят они вот отчего: стоит эскадрон, положим, хоть на осенних квартирах, во время осеннего полкового сбора, недель шесть или около двух месяцев в какой-нибудь деревушке, поблизости полкового штаба. При выступлении эскадрону надо получить от старосты квитанцию, что обыватели к солдатам никакой претензии не имеют; но крестьяне, иногда справедливо, а иногда и облыжно, непременно заявляют кляузные претензии: у Ясюка, мол, огород потоптали, а у Мацей шлея да два куля соломы из сарая пропали, а у Криштофа из-под хмелю тычины не весть куда повыверганы – все это суть претензии, которые следует удовлетворить, потому что не наряжать же формального следствия из-за Мацеевых кулей да из-за Криштофовых тычин, когда завтра на рассвете эскадрону выступать из деревни. Значит, вахмистру надо помириться, чтобы получить квитанцию. А как помириться – дело известное. И староста с сотским, и Мацей с Ясюком очень хорошо уже, из долгого житейского опыта, знают способ этого мира. Они знают, что вахмистр любезно и дружелюбно зазовет их в корчму, поставит им две или три кварты водки; Мацей с Ясюками напьются, покалякают, посчитаются кто чем, прослезятся и скажут: «А бувайце здоровеньки, брачики! Вертайтесь до нас, да каб паскарейш!.. Дай вам Боже вяселя пуць! Пращайце!» – и эскадрон расстается приятелем со всеми Ясюками и Криштофами, все претензии которых, настоящие или мнимые, в сущности заключаются лишь в получении дарового угощения двумя-тремя квартами водки.

В ночь перед выступлением солдат просыпается очень рано. Еще небо темно и играет яркими звездами или подернуто мгlistым, холодным сумраком; еще вторые петухи только что начинают голосисто перекликаться между собою с разных концов погруженной в глубокий сон деревни, а уже солдатик, зевая и бормоча про себя: «Ох тих-тих-ти-их... Господи Иисусе Христе!» – протирает кулаком глаза, натягивает сапожища, набрасывает на плечи шинель и по хрусткой, заморозковой почве пробирается через двор к конюшне, где, мерно хрустя зубами и изредка пофыркивая, стоит его конь в ожидании утренней уборки. В ночь перед выступлением солдату обыкновенно плохо спится: все кажется, даже и во сне, что не успеешь убраться, что проспиешь тот час, когда, идучи вдоль сонной деревни, эскадронный трубач на старой, дребезжащей трубе зычно и отчасти фальшиво протрубит в ночной тишине знакомые звуки генерал-марша:

Всадники-други, в поход собирайтесь!

Радостный звук нас ко славе зовет:

С бодрым духом храбро сражайтесь! –

За царя, родину сладко нам смерть принять!

Седлай!

Но долго еще до того времени, когда вслед за высоким финальным звуком трубы повторится громко и долговзвучно на всю деревню команда взводных вахмистров: «Седла-а-ай!»

А между тем солдатик уже встал, осмотрел лошадь, зачистил ее, задал гарнец утренней дачи, заложил сена и покрыл попоной в ожидании этого зычного вахмистерского окрика. Потом тут же на дворе умыл руки и лицо посредством самого простого, незатейливого способа: набирая себе в рот воды из глиняного хозяйского кувшина. Вода холодна и дерет ему кожу, но это ничего: дело здоро-

вое! А умывшись, солдатик становится еще бодрее; стал степенно, лицом на восток, где еще и не думает сереть белесоватая полоса восхода, и, осеняя себя широким крестным знамением, шепчет свою тихую молитву. Пока он справился с лошадьёю, пока сам умылся, Богу помолился да приоделся, – глядь: прошло часа полтора времени. Третьи петухи поют; на востоке чуть-чуть засерело, хотя звезды блещут и мигают все также сильно и светло в темной глубине неба, а кое-где по избам у иных добрых хозяев уже яркий огонь в печи затрещал; по деревне дымком потянуло; замычал теленок в каком-то хлеву; заскрипел «журавель» над колодезем – и пустая бадья звучно ударилась в глубине криницы об сонную и вдруг забулькавшую влагу... Голоса слышны кое-где; по конюшням фыркают кавалерийские кони и гулко бьют копытами промерзлую землю. Эскадронная собачонка Шарик с закорюченным хвостиком весело затыкала и, обнюхиваясь, резво побежала вдоль по деревне вприпрыжку, подпрыгивая слегка где-то пришибленною заднею ногою. Там и сям около хат и сараев чаще замелькали солдатские темные фигуры, в полутьме похожие на какие-то бродячие тени. В низеньких, крошечных оконцах засветились огни – деревня мало-помалу проснулась. И дымком тянет по низу сильнее и гуще.

Прошло еще около часу – и вот трубач пошел вдоль по деревне, с одного конца до другого. Раздались резкие, дребезжащие звуки – генерал-марш будто бы будит солдатиков, а они все и без него уж давным-давно проснулись. И не успел еще затеряться за ближним пригорком в холодном предрассветном воздухе издалека слышный высокий звук трубы, как уже с четырех концов деревни почти разом раздается эта знакомая и давно ожидаемая команда: «Седлай!» – и солдатики вмиг засуетились.

В конюшнях – слышно – то там, то здесь фыркают, храпят и бьются седлаемые кони, раздаются обращаемые к ним возгласы:

– Но-о, ты!.. Куда-а?!. Смирно!.. Ы! леший!.. Сто-ой!..

– Шклянник! Подержитка-сь, братец, свою Баранесу! Мешает, подлая: зубам балуется...

– Бочаров! Куды-те, дьявол, щетки мае задевал? Отдай щетки-то!

– Трохименко! Прячьте, пожалуйста, ваш недоуздок – валяется!

А в это время взводные вахмистра похаживают по конюшням да подбадривают:

– Но-но, ребята!.. Встрепохнись, ворошись!.. Живо, живо, братцы! Живей! И то, вишь, сколько запоздали!.. Ну-ну, не копайси! Чтобы в секунт!

Но «ребятки» не копаются: они и без поощрений, уж сами по себе «в секунт» готовы, – и вот, то с того двора, то с этого, ползгивая тяжелыми саблями, сходятся к сборному пункту, то есть к вахмистерской квартире, одиночные всадники, ведя коня в поводу и вольно положив на плечо пикю.

Андрей Васильевич в это время давно уже «встамши» и наскоро чайком заниматься изволят.

Вот зашли к нему взводные доложить, что люди, почитай, готовы, а он их чайком:

– Карп Макарыч! Илья Степаныч! Кушайте, пожалуйста!.. Без сумления!.. Наливайте-тка! Да только, значит, поскорее!

Взводные наскоро втягивают в себя горячий, дымящийся чай, кто из стакана, кто из чашки, кто из кружки, – обжигают себе при этом глотки, морщатся, пучат

глаза, но это ничего, потому вахмистерский чай, известно, дело горячее.

Но вот вахмистр выходит ко фронту.

– Все ли в сборе, ребята?

– Все как есть, Андрей Васильич!

– Никто ничего не забыл?.. Осмотритесь-ко!

– Все как есть, при себе... будьте без сумления!

– Ну, ладно!.. Садись!!

И фронт заколебался: солдатики ловким взмахом взбираются на тяжело завьюченных лошадей, из ноздрей которых пар валит клубами. Слегка прозябшие кони нетерпеливо фыркают и бьют копытами заскорузлую землю. Вот наконец все сели и разобрали поводья. Вахмистр снял шапку и крестится – весь эскадрон тоже креститься начинает.

Около кучки баб и мужиков староста с сотским, опершись на свои дубинки, да несколько мальчишек, запрятав прозябшие ручонки в спущенные рукава холщовых сорочек, любопытно посматривают на всю эту процедуру.

– Ну, братцы, с Богом! – раздается голос вахмистра. – Смирно! Справа по три, шагом... ма-а-рш!

И эскадрон тихо двинулся, слегка колебля над своею темною массой легкие флюгера, в сероватой мгле рассвета.

Мальчишки вприпрыжку, звонко переключаясь между собою, провожают его и задирают эскадронного Шарика, который тоже вприпрыжку на трех своих ногах, с веселым, радостным лаем и визгом швыряется во все стороны, то кидается между рядами, то забегает вперед и, вертя своим закорюченным хвостиком да скаля зубы, ласково засматривает лошадям и людям в глаза, словно бы говоря им этим взглядом: «Ну, вот, братцы мои любезные, и опять дождались походу!.. Да взгляните же на меня, на Шарика-то! И я ведь вместе с вами! Никуда от вас! Привел Господь Бог, значит, опять прогуляться; только – аи, аи! – целый переход придется без кормежки в сухую отмахать!.. И-их ты! весело!..»

И люди, и кони словно бы понимают Шарика: первые улыбаются ему, а вторые ласково пофыркивают, мотая на него книзу головами, и вдруг осторожней начинают переступать, как бы нарочно для того, чтобы невзначай не задеть его копытом, когда Рн вдруг затешется и заезжит между рядами.

Староста с сотским, убагодушенные вчерашним вахмистерским угощением, отправились, опираясь на свои дубинки, провожать эскадрон далеко за околицу, а с другой стороны рядов увязалась за одним видным, красивым солдатиком какая-то молодая бабенка и, выпятив корпус вперед, поспешает босиком за лошадиным ходом, лишь бы не отстать от своего солдатика. Бабенка закрывает глаза рукою и всхлипывает.

– Не плачь, дура, чево ты! – обернувшись на нее книзу, говорит ей красивый солдатик. – Ну, чего ж ты! Ведь сказано, назад вернемся!

– О-ой, саколику мой! – слышен в ответ на это сквозь всхлипыванья прерывистый, надорванный от слез женский голос.

– Эка бесстыжая!.. Полно-те, не срамись!.. При людях сама бежить, а сама плачешь!.. Право, стыдно!.. Аль с утра уж хватила, что ли?.. Раята смеяться будут.

– Ничего, пушай ее! – толерантно замечает сосед. – Известно дело: покутница, солдатка...

– Ой, салдатка, салдатка, голубонько мой! – сквозь слезы, ни на кого не глядя и все продолжая закрывать глаза рукою, навзрыд голосит бабенка. – Може й маво саколика гдись-то проводзаехтось так само!.. Быу, та и узяли, у москалики пайшоу, и сама одна zostалася!.. О-ой, саколику мой ясны!..

– А ось пачакай, пачакай, быдло ты! Я це кием! – грозитя на нее свою дубинкою солидный сотский.

Но покутница знай себе воет.

– Ну, дура, не плачь, говорю! – продолжает время от времени увещевать ее красивый солдатик. – Ведь ничего не поделаешь!..

Назад вернемся, так я те хустку червону подарю... Не плачь же! Срам ведь!

– Ничего! – опять-таки отвечает на это сосед. – Пуцай ее!..

Потому, известно – любоф!

Но вот, и староста с сотским, откланявшись в последний раз «до забаченья», понуро повернули назад к деревне, и покутщица-бабенка отстала от конского шага, утомясь наконец от быстрой ходьбы босыми ступнями по холодной, жестко замороженной почве, – и эскадрон мало-помалу всю свою темную, колеблющуюся массой скрылся за горою, по направлению к городу, в легком морозном тумане занимающегося утра.

Рассчитывая, что завтра придется пораньше встать, я нарочно раньше лег в постель и, по обыкновению, на сон грядущий стал пробегать столбцы первой попавшейся под руку газеты. Было уже более двенадцати часов, когда в прихожей раздался авторитетный звонок, обыкновенно обозначающий свою силой приход кого-нибудь из товарищей, – и точно: через минуту в спальню ввалились с топотом и веселым шумом адъютант с квартирмейстером.

– Как!.., уже в постели? Что за безобразие! Эдакая рань еще, а он спать! – раздались их возгласы. – Мы, брат, к тебе прощаться пришли – «принимай гостей, покидай постель»!

– Вас бы нелегкая еще попоздней принесла: чем же я теперь кормить вас буду?

– Все, что есть в печи, – все на стол мечи!

– Было бы что метать-то! Трактиры наши, сами знаете, в эту пору уж заперты.

– Не в трактирах дело, а в хорошей беседе! Чай дома есть?

– Разумеется.

– И выпить найдется что-нибудь?

– По обыкновению.

– Ну, а хлеб да соль у денщиков отыщем, – значит, аминь тому делу!

Однако я распорядился, чтобы человек побежал поскорее в ресторан и попытался бы там достучаться да добыть чего ни на есть из съестного, хоть холодного ростбифу, что ли.

– Вот это правильно, – подхватил адъютант, – потому что не о едином хлебе сыт будет человек, но и о ростбифе.

Пока один денщик побежал в трактир, другой стал возиться около самовара, раздувая его по денщицкому обыкновению длинным голенищем походного сапога.

– А где Апроня? – осведомился адъютант о моем сожителе, которого добрые приятели попросту звали между собою этою интимною кличкой.

– А где ему быть? По обыкновению, в театре пропадает.

– И все поддыхает по Эльсинорской? С актрисками возится?

– Поддыхает...

– А лихо она, черт ее возьми, канкан танцует!.. И куплеты сказывает не без шику!

– Тем и берет. Впрочем, девочка добрая...

Завязался обыкновенный офицерский разговор: о лошадях, о манеже, о начальстве, о женщинах, о ростовщике-еврее и его процентах, да о романе «M-II Giraud – ma femme».

В это время раздался новый звонок – и после некоторой возни в прихожей вошел мой сожитель Апроня.

– А я, брат, с актрисками, – проговорил он таинственным полупшепотом, на цыпочках шагая ко мне своими длинными ногами и подавая нам руки.

Мы все невольно рассмеялись.

– Где ж они и много ль их?

– Здесь вот! – И он кивнул по направлению к нашей офицерской гостиной и кабинету. – Целая тройка! И есть мы все хотим, как сорок тысяч братии хотеть не могут.

– Целая тройка?!.. Что ж там больно тихо у них, никакого гвалту не слышать?

– Пойдите: разойдутся еще... Вот городишкото мерзейший! – с досадой продолжал Апроня. – Только что спектакль кончился. Думал поужинать; толкнулся к Роммеру – залерто, к Шестаковской – заперто, к Вездненскому – тоже заперто!.. Тфу ты!.. Вот и живи тут!.. А они есть хотят; Варвара Семеновна даже и не переодевалась: как играла, так дебардером и поехала; торопились, думали – авось не запрут, а не тут-то было!.. Ну, уж город! В двенадцать часов хоть с голоду помирай!.. Я вижу это, что и есть-то им хочется, да и прозябли, катаючись со мною за пищей; ну, что ж тут, думаю... «Поедьте, mesdames, говорю, к нам: авось что-нибудь и отыщем». Ну, вот и приехали! Найдется, что ли, у нас-то хоть что-нибудь?

– Да что вы там заперлися? – раздались веселые и нетерпеливые голоса за запертой дверью. – Прикажете хоть огня-то подать... Мы в потемках!

Я велел мигом зажечь лампы, затопить камин и давать поскорее чаю, а сам живо оделся и явился к неожиданным гостям, которые уже весело тараторили с моими товарищами, вышедшими к ним по первому зову.

Я нашел в своем кабинете уже довольно оживленную картинку: большая лампа под розовым колпаком наполняла всю комнату мягким матовым светом; сухие дрова уже весело трещали в камине; две актрисы, Каскадова и Радецкая, обе очень миловидные и веселые женщины, – напялив фехтовальные перчатки и упрятав свои головы под сетчатые маски, стояли посередине комнаты в самых воинственных позах и затеяли между собою преуморительный бой на эспадронах, к немалому соблазну лягавого щенка, который, весело твякая, гонялся то за одной, то за другой, игриво теребя их шлейфы; а страсть моего сожителя – девица Эльсинорская, одетая мальчишкой в шикарный костюм дебардера, в котором она только что играла в театре роль Леони в известном буфе «Все мы жаждем любви», – сидела за пианино и, как-то ухитряясь в одно и то же время перекидываться словом-другим в общей болтовне и аккомпанировать себе бойкими аккордами, напевала шикарный куплетец:

А Provins